

ЗНАЧИМОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА ЛЕКСИКИ В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ф.В. Макаричев*, Г.В. Елизарова**

*Санкт-Петербургский академический университет управления и экономики,
Санкт-Петербург,
spbfell@mail.ru
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург,
spbfell@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются различные механизмы отражения культурных ценностей к лексике английского и русского языков. Авторами анализируется лексика с точки зрения содержания культурного компонента, отражающего национально-специфическую составляющую языка. Особое внимание уделяется словам двух типов: во-первых, отражающим понятия, которые характерны исключительно для определенной культуры (безэквивалентная лексика); во-вторых, словам, совпадающим на поверхности в своих лексических значениях, но значительно отличающихся значениями культурными. На основе проделанного анализа обосновывается, почему одной из задач обучения иностранному языку является включение в процесс освоения англоязычной лексики работы по освоению культурного компонента лексического значения. На конкретных примерах демонстрируется, как лексическое значение слова уточняется в словарях, а культурно-обусловленный компонент постигается через анализ системы ценностей, образа жизни, моделей поведения носителей англоязычных культур.

Ключевые слова: культурные ценности, лексическое значение, культурный компонент значения слова, центральные (ключевые) слова, культурно-специфическая лексика

В современных условиях тесно связанного и постоянно меняющегося глобального мира изучение иностранных языков приобретает все большее значение для специалистов в любых областях. Преподавание английского языка для специальных целей требует новых подходов, отражающих сложности современного миропорядка. Одной из таких сложностей является возрастание роли национальной (этнической) культуры общающихся на английском языке. Культура, как известно, находит отражение на всех уровнях языка и речи.

Целью данной статьи является рассмотрение механизмов отражения культурных ценностей к лексике.

Культурные ценности понимаются авторами статьи как сознательно или бес-

Макаричев Феликс Вячеславович – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и переводоведения Санкт-Петербургского академического университета управления и экономики. E-mail: spbfell@mail.ru

Елизарова Галина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка РГПУ им. А.И. Герцена. E-mail: spbfell@mail.ru

сознательно разделяемые всеми носителями конкретной культуры представления о целях общественной и личной жизни и средствах их достижения. Это внутренние стандарты для всех возможных действий, состояний, событий, явлений и т.д. и их оценивания. Они выражают коллективное мнение о том, что важно и не важно, хорошо и плохо. Культурный компонент значения всех лингвистических единиц языка отсылает к системе ценностей, отражаемой им культуры¹.

Признание того, что существуют значительные корреляции между вокабуляром и приоритетами общества стало общим местом в лингвистической теории. Говорящие дают названия важным сущностям и явлениям в их физическом и социальном мире. Получив названия, эти сущности и события, в свою очередь, становятся более заметными в культурном плане. В любом языке есть слова, отражающие важные для общества понятия, и отсутствуют слова, обозначающие понятия, не являющиеся существенными.

Внимание лингвистов традиционно привлекали слова, обозначающие реалии, уникальные для исследуемой страны и культуры, такие как географические названия, обозначения культурных икон (Микки Маус, Голливуд в США, самовар или матрешка – в России), названия характерных блюд (гамбургеры, борщ), обозначения событий, традиций и социальных институтов, не имеющих аналогов в других странах. Внимание к лексическим единицам такого рода обусловлено, с одной стороны, их значительной ролью в представлении культурных идей, явлений, артефактов нации, а с другой, их верифицируемостью. Большинство подобных единиц обозначают дискретные физические сущности, и проследить их связь с определенной культурой довольно легко.

Однако гораздо важнее следующее обстоятельство: «то, что приложимо к материальной культуре, социальным ритуалам и институтам, в равной степени приложимо и человеческим ценностям, идеям, отношениям, их способу мышления о мире и собственной жизни в нем»²

Классическое высказывание Ч. Филлмора гласит: «когда вы выбираете слово, вы тащите вместе с ним целую сцену»³. Вопрос в том, какая это сцена. Если учесть глобальное влияние культуры на личность, то при восприятии или выборе слова на иностранном языке, «сцена», вытаскиваемая на поверхность, чаще всего остается принадлежностью родной, а не иноязычной культуры. Р. Ладо еще в 1952 году обосновал эту мысль, описывая процесс усвоения иностранного вокабуляра. Он считал, что при презентации слов, происходит знакомство с новой формой, в то время как «значение уже привычным образом схвачено в родном языке»⁴. Но при том, что некоторые значения слова в одном языке могут иногда быть соотнесены со значениями соответствующего слова в другом языке, существует весьма ограниченное количество слов в любых двух языках, которые будут одинаковыми во всех своих значениях.

Подобно тому, как в речи иностранца звуки всегда искажаются под влиянием артикуляции родного языка и даже самого устройства артикуляционного аппарата, в его речи происходит искажение значений, в ходе замещения моделей

¹ Елизарова 2005.

² Wierzbicka 1997, 2.

³ Fillmore 1975, 114.

⁴ Lado 1966, 84.

иностранный язык и культуры моделями родного, как при говорении, так и при восприятии речи. Опасность в том, что в отличие от произношения, это происходит в большинстве случаев незамеченным. Однако преподаватели, борющиеся с синтаксической или фонологической интерференцией родного языка, должны быть осведомлены об интерференции культурной и владеть методами ее преодоления на всех уровнях, включая лексический⁵.

Исследование лексики в ракурсе представления ею культурных ценностей исключительно важно. Оно позволяет обнаружить и идентифицировать культурно-специфические концептуальные конфигурации, характерные для различных народов мира⁶.

Особую роль играют ключевые, или центральные⁷ слова, т. е. слова, обладающие способностью раскрывать особо значимые концепты конкретной культуры. Одним из признаков ключевых слов является их частотность. Даже если слова двух языков могут быть сопоставимы по объему значений, тот факт, что одно из них существенно более частотно в своей культуре, имплицитно несимметрично выражаемым сопоставляемыми словами понятиями в разных культурах. Так, при сравнении группы слов со значением «дурак» А. Вежбицкая выявила следующие закономерности⁸. На тысячу произвольно взятых словоупотреблений в близких по тематике художественных текстах она обнаружила, что слово «fool» встретилось в английских текстах 43 раза, в то время как слово «дурак» в русских – почти в три раза чаще. О подобной тенденции свидетельствуют все нижеприведенные примеры.

English		Русский	
fool	43	дурак	122
stupid	25	глупый	99
stupidity	2	глупость	34
idiot	4	идиот	29

Такое разительное расхождение в частотности, подтвержденное другими исследованиями, дало основания сделать вывод о гораздо большей категоричности и прямолинейности русских по сравнению с говорящими на английском языке.

Кроме того что ключевые слова частотны, они могут употребляться в определенной специфической и культурно-значимой области и, наконец, они часто входят во фразеологические единства, пословицы, поговорки, тексты популярных песен и т. д.

Особую важность приобретает раскрытие культурного компонента значения в ключевых словах двух типов. Во-первых, это слова, отражающие понятия, характерные исключительно для определенной культуры, но не физические и социальные реалии, которые были достаточно исследованы и к тому же, в силу отсутствия аналогий в другом языке, не провоцируют приписывания им значений родной культуры говорящего. Во-вторых, это слова, совпадающие на поверхности в своих лексических значениях, но резко отличающихся значениями культурными.

В качестве примеров слов первой категории приведем два слова из английского языка и четыре из русского. Английское слово «privacy» в англо-русских

⁵ Byram 1989, 42.

⁶ Wierzbicka 1992a, 22.

⁷ Гуннемарк 2001.

⁸ Wierzbicka 1992.

словарях переводится на русский язык в своем первом значении как «уединение, одиночество, уединенность». В словаре американской культуры языка оно толкуется как «the *desirable* state of being away from other people, so that they cannot see or hear what one is doing, interest themselves in one's affairs, etc. In many western countries this is usu. given particular value and people expect to have their privacy respected by others»⁹. А. Вежицкая дает словосочетанию «have privacy» следующее толкование: «to be able to do certain things unobserved by other people, as everyone would want and need to... it is assumed that every individual would want... to have a little wall around him/her, at least part of the time, and that it is perfectly natural, and very important»¹⁰. Нетрудно проследить несоответствие двух понятий. Причина расхождения в том, что в российской культуре аналог американского понятия отсутствует вообще. «Privacy» – это не уединенность и тем более не одиночество, это некая независимость и самодостаточность, это приоритет личных интересов в шкале ценностей отдельной личности и утверждение ее права на полный личный контроль над ними без постороннего вмешательства, это стремление сохранять такой компонент жизни, о котором никто никогда ничего не знает. Это одно из слов, наиболее однозначным образом эксплицирующее наличие такой ценности как личная свобода, независимость, автономность и самодостаточность и личности в англоязычных культурах.

Аналогичным образом обстоит дело со словом «community», которое переводится на русский язык как «община, общество, публика» и в таком переводе влечет за собой массу коннотаций, отсутствующих в английском значении слова «community – a group of people living together and/or united by shared interests, religion, nationality, etc.»¹¹. Понятие разделяемых интересов в англоязычных культурах тесно сопряжено с мерой взаимной ответственности и даже взаимного контроля на социальном уровне. Это не просто объединение людей по профессиональным признакам или для осуществления неких проектов, направленных на общее благо, таких как строительство местных дорог, проведение праздников на местном уровне и так далее. Community – это наименьшая единица социального устройства общества, в рамках которой граждане свободны до той степени, до которой их свобода не ущемляет свободы других. Community обеспечивает механизм, который посредством взаимного контроля устанавливает баланс интересов отдельных личностей.

Мало того что в русском языке слово «община» воспринимается как архаичное, ни в каком из своих значений оно не может отсылать нас к описанному механизму общественного контроля баланса личных интересов в силу того, что такого механизма общественного (не государственного, не юридического) контроля на данном этапе развития российской культуры не существует.

Таким образом, при введении в англоязычную речь российских студентов подобных слов, не имеющих аналогов ни в русском языке, ни в российской культуре, их культурное значение, т. е. стоящие за обозначаемыми понятиями социальные институты и лежащие в их основе системы ценностей, должны надежным образом эксплицироваться.

⁹ Longman 1992, 1046.

¹⁰ Wierzbicka 1991, 47.

¹¹ Longman 1992, 353.

Обратимся к русскому языку. Примером «непереводимых» русских слов могут служить детально исследованные А. Вежбицкой «судьба», «душа» и «тоска»¹², а также «пошлость»¹³. Носителям русского языка интуитивно понятно, что глобальность и всеобъемлющий характер этих слов вряд ли может быть передан в других языках. Подтверждением такого положения дел могут служить безуспешные попытки русских объяснить, что эти слова обозначают, а также их значимость для личной жизни каждого и для понимания русской культуры в целом.

Подобно тому, как неадекватно переводятся на русский английские слова «privacy» и «community», перевод русского слова «пошлый» как «vulgar, common, trivial, banal» вряд ли способен дать представление, как о значении самого слова, так и о культурных ценностях, породивших его употребление. Это слово выражает «презрение говорящего и его осуждение» по отношению к «духовному ничтожеству, лишенному высших интересов», причем осуждение осуществляется на «моральных, духовных... эстетических основаниях»¹⁴. С точки зрения носителей англоязычной культуры само это понятие, в таком виде как оно было представлено, может быть приравнено в своей экзотичности к «ухе» и «борщу», в то время как для россиян это неотъемлемый компонент шкалы оценивания. Само существование этого слова, равно как и его ключевой характер, подтверждаемый высокой частотностью употребления, отсылает всех носителей российской культуры к таким ценностям, как приоритет духовного, возвышенного над материальным, высоко художественного над безвкусным, морального над беспринципным. Подобные ценности в прагматически ориентированных англоязычных культурах трудно обнаружить даже на периферии системы ценностей.

Аналогичным образом обстоит дело с другими упомянутыми выше русскими словами. Так, слово «душа» переводится на английский и как «soul», и как «heart», и как «mind», и ни одно из этих слов не передает русского значения полностью, в силу того что подобных концептов в англоязычной этнопсихологии просто не существует. Богатство внутреннего мира, сложный конгломерат чувств и мыслей, осознаваемого и только угадываемого, бессознательного, актуализирующийся в сознании носителя русской культуры при произнесении слова «душа», недоступен носителю культуры англоязычной, и при разговоре на английском языке кальки с русского, типа «I have got the impression that he is a rich soul» (У меня сложилось впечатление, что он богатой души человек) или «I am physically all right but my soul hurts» (Физически со мной все в порядке, но душа болит) не способствуют взаимопониманию и ни к чему, кроме замешательства, англоязычного участника общения не приводят.

Проникновение в культурный компонент значения подобных специфических для конкретной культуры слов исключительно важно.

Обратимся ко второй категории – категории слов, которые не являются культурно-специфичными и встречаются в обоих языках, но обладают при этом разными культурными значениями.

Рассмотрим в качестве первого примера слова «дружба» и «friendship». Существует распространенное мнение о том, что понятия «друг» и «дружба» уни-

¹² Wierzbicka 1992a, 31–116.

¹³ Wierzbicka 1997, 3.

¹⁴ Wierzbicka 1997, 3.

версальны. Однако это далеко не так. Можно проследить динамику изменения представлений о дружбе в англоязычных культурах и ее отражение в значениях соответствующих слов без изменения их формы. Значение английского слова «friend» с течением времени девальвировалось и расширило сферу своего применения. Произошел сдвиг от «вертикальной глубины» к «горизонтальной всеохватываемости»¹⁵. Лингвистически это подтверждается рядом факторов, например, появлением словосочетания «close friend» для обозначения более близких отношений. С ослаблением значения слова «friend» количество «друзей» значительно увеличилось. В современной мобильной Америке, где люди меняют место жительства каждые 4–5 лет, друзья исчисляются десятками. Даже выражение «best friends» часто употребляется в современном английском во множественном числе.

Другим лингвистическим подтверждением «множественности» друзей может служить выражение «a friend of mine», вполне нормативное в отличие от «a son of mine» (даже если сыновей несколько) или «a husband of mine» и свидетельствующее о том, что автор высказывания не вычленяет друга индивидуально, а причисляет его к некоей категории, наподобие «a colleague of mine», «a student of mine», «a fan of his». Показательны и изменения сочетаемости этого слова с глаголами. Они также подчеркивают множественность друзей и необходимых для существования такого положения действий. На смену выражениям «to find a friend», «to choose a friend» пришло «to make a friend», обозначающее вполне целенаправленное действие. «Делание друзей» имплицитно также стремится к их большому количеству (нечто напоминающее производственный процесс) и не предполагает большой разборчивости. Друзья не рассматриваются больше как вечные, но как временные; их можно менять как машины, при изменении социального или финансового статуса, условий и места жизни. Такая трансформация не носит негативного характера для самих американцев. Это просто переход от идеала вечной дружбы к идеалу перемен, ведущих к знакомствам с новыми людьми. В американской культуре это вполне позитивное явление, предполагающее способность адаптироваться, изменяться и развиваться.

Причины перемен в культурном компоненте значения слова «friend» коренятся в изменениях, произошедших в англоязычных обществах, нашедших отражение в их культурах. Первая причина такого положения дел состоит в том, что развитие технологий, общение в виртуальном пространстве и унификация пространства жизненного, привели к большой мобильности населения и изоляции отдельной личности. США особенно преуспели в этом, но современное состояние единой Европы не оставляет сомнений в том, что такое направление развития становится доминирующим в развитых странах. Вторая причина также связана с развитием инфраструктуры общества и заключается в следующем. Старая идея постоянства в дружбе была тесно связана с идеей помощи и поддержки друг друга. С течением времени и развитием общества в таких формах, которые обеспечивают все виды поддержки: финансовой, моральной, психологической и т. д. через специальные учреждения, необходимость получения помощи от узкого круга надежных друзей отпала. Культурный компонент семантики слова «friend» изменился. Друзья стали

¹⁵ Wierzbicka 1997, 36.

восприниматься не как люди, к которым обращаются в период трудностей, а как люди, с которыми приятно проводить время. Само понятие дружбы ассоциируется с удовольствием, общим опытом позитивного плана и совместными занятиями. Идеал дружбы как глубоких и длительных отношений, которые требуют большого участия друг в друге, уступил место идеалу дружественности и дружелюбия в ограниченных и краткосрочных отношениях. Слово «friend» стало употребляться в значениях «знакомый», «приятель», «коллега, с которым более близок, чем с остальными», «сосед, с которым можно вместе заняться какими-то делами» и т. д.

Даже без компонентного анализа русского слова «друг» понятно, что оно не соответствует английскому «friend». Россияне ищут не партнера по времяпрепровождению и разговору, но родственную душу, которой можно открыться, поделиться своими несчастьями, трудностями и радостями.

Русский язык вообще обладает исключительно богатым арсеналом для категоризации человеческих взаимоотношений. Лингвистически целый ряд русских слов, обозначающих различную степень близости людей: «друг, подруга, приятель, товарищ, знакомый» покрывает семантику английского слова «friend», но при этом ни одно из слов не совпадает с ним полностью. Там где носитель английского языка, не задумываясь, скажет «friend», носитель русского вынужден анализировать отношения гораздо глубже в поисках адекватного обозначения.

Не подозревая о существующих культурных различиях и приписывая слову «friend» культурное значение русского слова «друг», носители российской культуры впадают в заблуждение при общении с представителями культур англоязычных. Они ожидают от людей, называющих россиян «myfriend», преданности, внимания и поступков, совершаемых р а д и русских, и горько разочаровываются, не получив соответствующей поддержки, помощи, участия. Соответственно, при обучении английскому языку нельзя осваивать значение слова «friend» без экспликации культурных различий двух систем ценностей.

Второй пример соотношения ключевых слов – это «freedom» и «свобода». Первое существенное отличие английского понятия, представленного в слове «freedom», от русского, представленного в слове «свобода», в так называемой «негативной» ориентации первого. Эта «негативная» ориентация носит двойкий характер. Она имеет отношение 1) к возможности не д е л а т ь вещи, которые человек не хочет делать; 2) к способности делать вещи, которые человек хочет делать, б е з в м е ш а т е л ь с т в а со стороны других, т. е. ядро культурного значения в способности *выбора*, в возможности делать то, что хочешь и не делать того, что не хочешь. Развитие «негативной» семантики слова «freedom» и соответствующего понятия приводит к идеалу «non-imposition» – невмешательства, т. е. такой жизненной ситуации, в которой никто не вмешивается в жизнь отдельной личности, которая, в свою очередь, не вмешивается в жизнь других. Фундаментальным для этого концепта является представление о том, что то, что приложимо к мне, приложимо и ко всем остальным: «freedom» не привилегия, которой могут наслаждаться избранные, а всеобщее право. Основная идея этого понятия – иметь право на то, чтобы тебя оставили в покое, не навязывали тебе каких-либо идей или действий.

Лингвистически такое положение подтверждается большой частотностью комбинаций «freedom from»: «freedom from persecution, oppression, tyranny, control,

interruption, etc.». С этого лингвистического расхождения начинаются отличия английского «freedom» от русского слова «свобода». Последнее не допускает сочетания «свобода от вмешательства, от голода, от нужды». Русское слово «свобода» означает отсутствие ограничений, давления и способность расслабиться и следовать своему вдохновению и желаниям. А. Вежбицкая суммирует различия следующим образом. Русское слово концентрируется на том, что нет никаких внешних ограничений, английское – на идее возможности выбора и невмешательства. Русское – на таких элементах, как безграничное пространство, необузданное поведение, беспрепятственное дыхание; английское связано с понятием индивидуальных прав, личного пространства, личной независимости и понятием «оставьте меня в покое»¹⁶. Различия между культурными значениями слов «freedom» и «свобода» и стоящими за ними ценностями разительны. Если носители российской культуры приписывают культурный компонент значения понятия «свобода» английскому «freedom», они не только упускают возможность постичь мир, движимый другими силами, но и строят свое вербальное и невербальное поведение не адекватно его законам.

Культурный компонент значения в лексических единицах любого языка, отсылает носителей культуры к определенным культурным ценностям, и ассоциируются с культурно-значимыми смыслами. Он содержится не только в безэквивалентной лексике, но и в лексике, которая на поверхности предстает как имеющая эквиваленты в иностранном языке. Для обеспечения такого уровня владения английским языком, который обеспечит эффективное общение, необходимо включить в процесс освоения англоязычной лексики работу по освоению культурного компонента лексического значения. Такая работа должна начинаться на этапе презентации с демонстрации того, что словарные дефиниции носят ограниченный характер, а культурно-обусловленный компонент значения того или иного слова необходимо искать в системе ценностей, в образе жизни, в моделях поведения носителей англоязычных культур.

ЛИТЕРАТУРА

- Гуннемарк, Э. 2001: *Искусство изучать языки*. СПб.
- Елизарова, Г.В. 2005: *Культура и обучение иностранным языкам*. СПб.
- Arasaratnam, L.A. 2009: *The development of a new instrument of intercultural communication competence*, <http://www.immi.se/intercultural/nr20/arasaratnam.htm>
- Byram, M. 1989: *Cultural studies in foreign language education*. Clevedon.
- Fillmore, Ch. 1975: Topics in lexical semantics. In: Cole R. W. (ed.), *Current issues in linguistics*. Bloomington, 76–138.
- Lado, R. 1966: *Linguistics across cultures. Applied linguistics for language teachers*. The University of Michigan Press.
- Longman Dictionary of English Language and Culture*. 1992. Longman.
- Stathers, K. 2008: *Enlightenment through understanding*. *IBWorld*, January, <http://www.ibo.org/ibworld/jan2008/index.cfm>.
- Wierzbicka, A. 1991: *Cross-cultural pragmatics. The semantics of human interaction*. Berlin – New York.
- Wierzbicka, A. 1992a: *Semantics, culture and cognition*. New York – Clevedon – Oxford.

¹⁶ Wierzbicka 1997, 142.

Wierzbicka, A. 1997: *Understanding cultures through their key words. English, Russian, Polish, German, and Japanese*. New York–Oxford.

REFERENCES

- Arasaratnam, L.A. 2009: *The development of a new instrument of intercultural communication competence*, <http://www.immi.se/intercultural/nr20/arasaratnam.htm>
- Byram, M. 1989: *Cultural studies in foreign language education*. Clevedon.
- Elizarova, G.V. 2005: *Kultura I obuchenie inostrannym yazikam*. Saint-Petersburg.
- Fillmore, Ch. 1975: Topics in lexical semantics. In: Cole R. W. (ed.), *Current issues in linguistics*. Bloomington, 76–138.
- Gunnemark, E. 2001: *Iskusstvo izuchat yazyki*. Saint-Petersburg.
- Lado, R. 1966: *Linguistics across cultures. Applied linguistics for language teachers*. The University of Michigan Press.
- Longman Dictionary of English Language and Culture*. 1992. Longman.
- Stathers, K. 2008: *Enlightenment through understanding. IBWorld, January*, <http://www.iboorg/ibworld/jan2008/index.cfm>.
- Wierzbicka, A. 1991: *Cross-cultural pragmatics. The semantics of human interaction*. Berlin – New York.
- Wierzbicka, A. 1992a: *Semantics, culture and cognition*. New York –Clevedon–Oxford.
- Wierzbicka, A. 1997: *Understanding cultures through their key words. English, Russian, Polish, German, and Japanese*. New York–Oxford.

THE IMPORTANCE OF A NATIONAL CULTURAL COMPONENT OF LEXICON
IN THE COURSE OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

Felix V. Makarichev*, Galina V. Elizarova**

Saint-Petersburg Academic University, Russia,
spbfell@mail.ru
Herzen State Pedagogical University, Russia,
spbfell@mail.ru

Abstract. In article various mechanisms of reflection of cultural values to lexicon of English and Russian languages are considered. Authors analyze lexicon from the point of view of the maintenance of the cultural component reflecting a specifically national component of language. The special attention is paid to words of two types: first, reflecting concepts which are characteristic only of a certain culture (non-equivalent lexicon); secondly, to the words coinciding to a certain extent in the lexical meanings, but considerably different in cultural values. Based on the suggested illustration and analysis it is explained why one of problems in teaching a foreign language is inclusion in process of mastering English lexicon the work on development of a cultural component of a lexical meaning. On concrete examples it is shown as the lexical meaning of the word is specified in dictionaries, and the cultural caused component is comprehended through the analysis of system of values, a way of life, behavior models of carriers of English-speaking cultures.

Key words: cultural values, lexical meaning, cultural component of a word meaning, central (key) words, cultural and specific lexicon